

всего, несчастный, жалкій человекъ, и зритель, мнутами сѣбя надъ нимъ, долженъ въ то-же время чувствовать это.

Вотъ эту-то черту г. Садовскій и не отбѣняетъ достаточно въ Аркашкѣ, увлекаясь, по преимуществу, внѣшней комической стороной роли. Его Аркашка — нахаль, шутъ и острякъ — доволенъ своею судьбой. Его раздражаютъ только такіе отдѣльные факты, какъ отказъ Несчастливцева отъ денегъ. Не будь этого, онъ, по видимому, былъ-бы вполне счастливъ. Наоборотъ, онъ довольно благодушно относится къ предложенію Несчастливцева изображать лакея. Правда, Аркашка — Садовскій и здѣсь немножко фыркаетъ и протестуетъ, но это производитъ впечатлѣніе только внѣшняго лопанья. А между тѣмъ — это предложеніе едва ли не болѣе обидно для Аркашки, чѣмъ невозможность прокатиться до пристани на тройкѣ и покутить во всю; именно злоба на то, что Несчастливцевъ силкомъ превратилъ его въ лакея и ломается надъ нимъ, и заставляетъ его выдать Улитѣ секретъ своего мнимаго барина. Вообще эта черта трусливой, но искривленной озлобленности противъ людей почти вовсе пропала въ исполненіи г. Садовскаго. Зрителю почти ни на минуту не жалко Аркашки — Садовскаго, потому что онъ самъ, въ сущности, ничѣмъ не проявляетъ недовольства своимъ положеніемъ. Не останавливаясь на частностяхъ игры г. Садовскаго, замѣтимъ, въ заключеніе, что артистъ могъ-бы и не прибѣгать къ легкому шаржу въ движеніяхъ и нѣкоторыхъ интонаціяхъ: роль Аркашки и безъ того — яркая и благодарная роль.

Изъ остальныхъ исполнителей отмѣтимъ, прежде всего, г. Ленскаго въ роли Милонова. Какъ не цѣнить этого артиста, который всякой маленькой второстепенной роли придаетъ законченный, цѣльный характеръ! Можно иногда не соглашаться съ замысломъ этого артиста, съ его толкованіемъ роли; но зато въ предѣлахъ даннаго замысла г. Ленскій почти всегда даетъ цѣльное, характерное лицо, восполняя отъ себя детали и недостающіе штрихи роли. Никто почти изъ артистовъ Малаго театра не умѣетъ такъ отрѣшиться отъ самого себя, такъ мало напоминать самого себя въ другихъ ро-

ляхъ. И въ роли Милонова гримъ, костюмъ, манеры и интонація артиста — все это ставило предъ зрителемъ живую фигуру сладкаго помѣщика, изъ породы Маниловыхъ. Развѣ только одинъ — два момента исполненія страдалъ нѣкоторою вычурностью.

Хорена и г-жа Садовская въ роли Улиты. Артистку можно упрекнуть развѣ лишь въ излишнемъ добродушіи. Хотѣлось-бы видѣть въ Улитѣ больше ехидства, пронырливости и лукавства, особенно въ сценахъ съ Гурмыжской. Зато внѣшній, бытовой колоритъ роли артистка передаетъ прекрасно.

Роль Гурмыжской — не изъ особенно удачныхъ въ репертуарѣ г-жи Медвѣдовой. Обычные приемы своей игры — мягкость исполненія и тонкость въ передачѣ отдѣльных моментовъ и деталей роли — талантливая артистка проявила и здѣсь, но въ общемъ игра г-жи Медвѣдовой оставила по себѣ впечатлѣніе какой-то слишкомъ осторожной, немощно вялой и безцвѣтной игры. Артистка какъ-будто боялась слишкомъ яркихъ штриховъ и оттѣнковъ и вела роль слишкомъ однотонно. Къ тому-же упрекъ, обращенный къ г-жѣ Садовской, въ большей мѣрѣ можетъ быть сдѣланъ и г-жѣ Медвѣдовой. Въ ея исполненіи Гурмыжская производитъ впечатлѣніе сырой, простоватой и слишкомъ недалекой женщины; мало давала себя знать лицемѣрка и ханжа, склонная къ амурамъ, холодная и жестокая въ отношеніи къ окружающимъ, но умѣющая поддержать свой престижъ благодѣлительницы и безупречной вдовы въ глазахъ цѣлаго уѣзда.

Г. Макшеевъ довольно типиченъ въ роли Восьмибратова, но своимъ гримомъ, костюмами и манерами напоминаетъ скорѣе богатаго мужика, чѣмъ купца, и держитъ себя ужъ слишкомъ буквой. Недурень и г. Горевъ въ роли Бадаева.

Исполнители остальныхъ ролей — приличные. Только г-жа Ермолова-Кречетова просто, но ужъ слишкомъ вяло ведетъ роль Аксюши, особенно въ 4-мъ актѣ. Ей не достаётъ той горячности и искренности отчаянія, которая заставляетъ Несчастливцева видѣть въ ней будущую знаменитую артистку. Фразу: «Нѣтъ, не счастье, а жизнь» — она произноситъ срав-